

Рассмотрены истоки и феномен мемориального законодательства. Отдельное внимание уделено мемориальным законам, принятым в России и на Украине, а также опыту их применения. Опираясь на идеи Ф. Артога, автор связывает мемориальное законодательство с новым «режимом историчности», доказывая, что оно представляет собой определенный вид коммеморативной практики. Источниками для работы послужили тексты принятых законодательных актов, внесенные законопроекты и комментарии, статьи в средствах массовой информации, позволяющие судить о реакции общественности. На основе изученного материала сделаны следующие выводы: 1) мемориальное законодательство носит политический характер, мемориальные законы оказываются инструментом для решения политических задач; 2) развитие мемориального законодательства ставит право в зависимость от государственной исторической политики, что может привести к нарушению нормативности права; 3) мемориальное законодательство позволяет судить о развитии исторического сознания и направлениях его изменения.

Ключевые слова: «войны памяти»; историческая политика; коммеморативные практики; мемориальное законодательство; политика памяти.

Оксана Владимировна Головашина, канд. ист. наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина», Тамбов, Россия;
ovgolovashina@mail.ru

ПОЛЕ БИТВЫ – ПАМЯТЬ: МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Введение. Мемориальные законы становятся все более распространенным оружием в эпоху «войн памяти» и одним из главных инструментов политики памяти. В отличие от издания рекомендованных учебников истории, выпуска соответствующей кинопродукции, публикациях в СМИ, сценариев государственных праздников, мемориальные законы предполагают не только трансляцию определенного образа прошлого, но объявляют санкции за публичное высказывание другой позиции. Та или иная версия прошлого, таким образом, объявляется единственной нормой, а дискуссии, без которых немыслимо ни академическое поле, ни общественная трибуна, оказываются вне закона.

Рассмотрим истоки и специфику мемориального законодательства, более подробно остановимся на случаях России и Украины, а также, опираясь на анализируемый материал, постараемся показать мемориальное

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-31600 (опн) «Мемориальные войны и политика национальной идентичности на постсоветском пространстве».

законодательство как определенный вид коммеморативной практики – индикатор состояния исторического сознания.

Под «мемориальными законами» в данной работе имеются в виду определенные способы и формы использования и репрезентации памятных дат и событий прошлого в публичном пространстве.

Существующие законодательные практики в поле публичной истории и исторической политики можно разделить на два больших направления. Одни из них носят декларативный характер и не предусматривают какое-либо наказание за их нарушение. В качестве примера можно привести ряд резолюций Европарламента, осуждающих тоталитаризм (2009) или признающих факт Голодомора на Украине (2008). Однако большинство существующих законов предполагает существование различных санкций за их нарушение. В статье внимание, в основном, посвящено второму виду мемориальных законов, так как возможность наказания позволяет говорить о законодательных практиках как определенном виде акторов «войн памяти» и исторической политики в целом.

Закон в «битвах за память». Считаем, что осмыслению мемориального законодательства как современного феномена будет способствовать теоретическая оптика, предлагаемая французским исследователем Ф. Артогом. В своей статье «Порядок времени, режимы историчности» он ввел концепт «режим историчности» [1], который интерпретировал как способ согласования прошлого, настоящего и будущего, возможность навести «порядок времени», или, если быть точнее, во времени. Его особого внимания заслуживает императивность этих порядков, заставляющая людей подчиняться им, независимо от собственного желания [1]. Это кажется довольно очевидным, но проблема в том, что современный человек оказывается частью различных темпоральных порядков. Брокер, который почти круглосуточно следит за акциями на мониторе, при этом должен учитывать график работы врачей в своей участковой поликлинике; а молодому успешному менеджеру тяжело объяснить родителям из деревни, что такое ежедневный дедлайн. Конечно, есть семейные и национальные праздники, которые способствуют синхронизации темпоральных циклов, однако их недостаточно ни в масштабах семьи, ни тем более в масштабах государства. Структуризация локальных «порядков времени» стала успешной попыткой использования истории государства в виде некой политической идеологии. Включение интерпретированных событий в сформированный исторический нарратив стало основой не только политического дискурса, но и осознания действительности с его позиций, создало некую модель, в которой идеологические и политические акторы становятся неким авангардом человечества, имеющим способность экстраполировать, а по факту – прогнозировать и зачастую предсказывать события будущего, взяв за основу линейное понимание истории.

Успешная государственная политика памяти предполагает нивелирование несогласованности «порядков времени», так как «режим историчности» хочет стать эвристическим инструментом, помогающим лучше постичь не время вообще, все времена или целостность времени, но, главным образом, кризисные моменты времени, когда начинают терять свою очевидность сочленения прошлого, настоящего и будущего» [1]. Опираясь на

теоретические выкладки Артога, утверждаем, что мемориальные законы иницируются государством в целях повышения социальной стабильности и сплоченности общества. Артог подчеркивает, что режим историчности сам по себе представляет собой не историю, но воспроизводство истории, вернее, ее конструирование в соответствии с определенными условиями, которые делают возможным одно историческое повествование и невозможным другое [1].

Распространение мемориального законодательства в Европе было связано с необходимостью переосмысления опыта Второй мировой войны, выработки, а затем и защиты новых ценностей. Первые подобные законодательные акты касались осуждения Холокоста (в Германии и Австрии они появились вскоре после окончания Второй мировой войны, во Франции – в 1990 году после дела Роберта Форрисона, доказывающего, что Холокост был сконструирован сионистами, чуть позже (1995 г.) – в Бельгии). В США, Великобритании и Венгрии мемориальные законы отсутствуют, так как считаются противоречащими свободе слова; против подобного законодательства выступает также Италия, Финляндия и Япония.

Содержание мемориального законодательства в Европейских странах, в основном, направлено именно на защиту сформированного представления о Холокосте, однако в ряде стран декларативно признается факт геноцида армян со стороны турок, а в некоторых восточноевропейских странах (Болгария) присутствует запрет на использование советской символики.

Большинство мемориальных законов в европейских странах были приняты в 1990-х – 2000-х гг. Если в Западной Европе законы принимались в качестве ответа на общественную дискуссию после дела Форрисона, то на постсоветском пространстве и в восточной Европе бум мемориального законодательства связан с распространившимися «войнами памяти». Восточноевропейские страны, отказавшись от социалистической системы, соответственно, критично выступили против советских трактовок истории, в том числе истории Второй мировой войны. Однако принятие европейской интерпретации, в основе которой лежит представление о Холокосте как главном преступлении против человечества, вступило с противоречием с собственным историческим опытом этих стран. С одной стороны, восточноевропейские страны стремились стать частью единого европейского культурного (и экономического) пространства, но с другой – не готовы были пересмотреть трудные вопросы собственной истории. Одним из проявлений сложившейся ситуации стала интенсификация мемориальной политики, в том числе появление институтов национальной памяти и, соответственно, принятие мемориальных законов.

Исследование этих процессов в странах Восточной Европы не входит в задачи предлагаемой статьи. Однако важно подчеркнуть, что историческая политика в некоторых странах, входящих в социалистический лагерь, выступила в качестве модели для некоторых постсоветских территорий, особенно Украины. Мемориальные законы существуют далеко не на всех территориях постсоветского пространства. Однако о законодательном регулировании той или иной версии прошлого можно говорить не только с опорой на непосредственно мемориальные законы. В частности, в Грузии и странах Прибалтики в заявлениях о независимости присутствовал

термин «советская оккупация» [9, с. 74]. В Эстонии также декларируется признание факта советских репрессий. В Латвии и Литве действует запрет советской (наряду с нацистской) символики. Исполнение гимна Советского Союза на Украине карается сроком до 5 лет.

«Ветеран УПА». Мемориальное законодательство на Украине. Созданный в 2014 году по инициативе Виктора Ющенко украинский Институт национальной памяти был образован по примеру аналогичного учреждения в Польше, однако первые мемориальные законы на Украине были приняты раньше. Можно предположить, что интенсификация исторической политики объяснялась сложными противоречивыми процессами конструирования новой национальной и гражданской идентичности, с одной стороны, и сохранявшейся инерцией советских историографических стратегий – с другой.

Первый мемориальный закон на Украине «Об увековечении Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» [14] был принят еще в 2000 году. Его цель заключалась в интеграции советского исторического нарратива, способствующего легализации постпартийной элиты, которая в то время управляла Украиной. Трактовка Великой Отечественной войны в целом повторяла сложившуюся модель и вполне соответствовала потребностям руководителей страны. Этот закон предписывал определенные коммеморативные практики, которые в целом были повторением советских практик празднования Дня Победы и трансляции памяти о Победе и даже описывались в дискурсе советских законопроектов. В 2011 году в этот закон был внесен ряд изменений, которые касались ряда действий, посвященных коммеморативным мероприятиям, но в целом он сохранял свой декларативный характер. Никаких санкций за несоблюдение тех или иных формальных процедур или уклонения от привычных коммеморативных практик не предусматривалось.

Однако складывающийся параллельно нарратив о Голодоморе как нациобразующем событии, а также внутривнутриполитическая борьба между консервативными и либеральными силами привели к критике первого мемориального закона Украины и трактовок советского периода прошлого вообще. Уже в 2006 году Рада квалифицировала Голодомор как геноцид украинского народа [3], однако это решение носило декларативный характер. Попытки, опять же по инициативе президента Ющенко, ввести уголовную ответственность за отрицание Голодомора и Холокоста (Украина стремилась войти в европейское культурное пространство за счет включения в общеевропейские историографические стратегии) не были приняты Радой, по официальной версии – так как противоречили указанной в Конституции страны свободе слова.

В 2015 году в связи с изменениями направления исторической политики закон был отменен. Новый мемориальный закон предлагал совершенно иную трактовку Великой Отечественной войны [13]. Акцент был сделан на Победе над нацизмом, а термин «Великая Отечественная» был заменен на «Вторая мировая». Также в 2015 году было принято еще два мемориальных закона, зафиксировавших новые интерпретационные модели прошлого. Выступая прямым следствием патриотического подъема, законы были направлены на формирование нового пантеона героев и законодательно объявляли о смене государственных исторических ценностей.

Первый проект вводил категорию участников борцов за независимость XX столетия и постулировал их новый правовой статус, следствием чего должны были стать соответствующие социальные льготы и гарантии [12]. Несмотря на то что четкий список этих «гарантий» и «льгот» так и не был представлен, закон сделал главное: приравнял ветеранов Украинской повстанческой армии (*далее* – УПА) и ветеранов Великой Отечественной войны и признал ценность УПА и других подобных организаций (их список предоставлялся) для формирования украинской нации. Закон также запрещал «пренебрежительное отношение» к новым «борцам за независимость», однако эти заявления остались на уровне деклараций, так как, во-первых, никакой дефиниции «пренебрежительного отношения» не предлагалось, во-вторых, в тексте закона были указаны какие-либо наказания в случае проявления этого самого отношения.

Второй закон, принятый также в 2015 году, зафиксировал изменение направлений исторической политики Украины. Его дословная формулировка предполагала осуждение нацистского и коммунистического режима на Украине и запрет их символики [11]. Важным здесь представляется фактическое символическое отождествление коммунистического и национал-социалистических режимов как тоталитарных.

Отдельно необходимо упомянуть факты о криминализации отрицания Голодомора, попытки которого предпринимались в украинском законодательстве с 2006 года. Несколько раз депутаты Я. Кендзёр и Р. Чубаров, президент В. Ющенко пытались вносить в текст закона 2006 года изменения, призванные придать этому акту не декларативный характер. Однако особенности украинской политической элиты приводили к тому, то коммунисты и «Партия регионов» блокировали обсуждения поправок или неоднократно направляли проект на доработку. Нельзя сказать, что деятельность Виктора Ющенко и сторонников криминализации Голодомора была неуспешной, так как способствовала в том числе международному признанию Голодомора как геноцида. Начиная с 2005 года, о признании Голодомора заявили Литва [7], Грузия [4], Испания [5], Перу [10].

Нам нужна одна Победа? Мемориальный закон в России. В России первый и пока единственный (хотя новые проекты на сегодняшний день уже разработаны) мемориальный закон был принят 4 апреля 2014 г. после опроса 27 января на радиостанции «Дождь» с провокационной формулировкой «Не стоило ли отдать Ленинград нацистам, чтобы спасти тысячи жизней». Опрос продлился около 10 минут (53 % опрошенных ответило, что сдача Ленинграда помогла бы спасти жизни обычных людей) и был удален из-за резкой реакции общественности. Внесенной Ириной Яровой проект был принят единогласно, несмотря на то что несколькими днями его упрекали в «правовой размытости» [15]. Ранее несколько проектов Яровой и других парламентариев были внесены в Думу, но отклонялись.

Официально закон запрещает пропаганду нацизма, выступает против отрицания решений Нюрнбергского трибунала и распространение «заведомо ложных» сведений о деятельности СССР во время Второй мировой войны [8]. Также, хотя это не имеет прямого отношения к пропаганде нацизма, запрещается распространение «выражающих явное неуважение

к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично» [8]; в случае нарушения предусматривается штраф в 300 тыс. руб. или год исправительных работ.

Интересно, что сама формулировка части мемориального закона в РФ официально не предполагает жестких хронологических рамок, то есть в части своей формулировки не имеет прямого отношения к Великой Отечественной войне. Дни воинской славы – это не только день полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады или победа в Сталинградской битве, но и день победы русского флота над турецким флотом в Чесменском сражении и день взятия Исмала. Скорее всего, появление этого пункта связано с тем, что базой для первого мемориального закона был именно закон о днях воинской славы, но интересно то, что пренебрежительные комментарии о Чесменском сражении, в соответствии с существующим законодательством, оказываются реабилитацией нацизма. Нечеткость исходной формулировки («неуважение к обществу», «заведомо ложные сведения») приводит к тому, что применение этого закона в том или ином случае оказывается больше политической, чем правовой акцией. Нельзя не обратить внимание на определенную инерцию юридического дискурса, проявляющегося в переключке анализируемого нами закона с печально известной ст. 190-1 УК РСФСР («распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй»).

Несмотря на существующие пункты, которые касаются дней воинской славы вообще, все решения, которые пока были приняты в России с опорой на Закон о противодействии пропаганде нацизма, касались защиты образа именно Великой Отечественной войны. Владимир Лузгин из Перми сделал репост в социальной сети «ВКонтакте» (его увидело около 20 человек, в том числе оперативник ФСБ), в которой, в частности, была информация о сотрудничестве Германии и СССР и их совместном нападении на Польшу. Астраханский школьник в той же социальной сети опубликовал фотографию солдат Вермахта и положительно отозвался о нападении немцев на Польшу. Трое красноярских молодых людей (18–19 лет) нарисовали свастику на памятниках воинской славы в родном городе. Другие подобные решения также касались осквернения памятников или публикаций в социальных сетях. Оправдательных приговоров в практике применения этого закона не было.

Еще два законопроекта было внесено в Государственную Думу 27 мая 2020 г. Алексеем Журавлевым. В отличие от существующего закона, проекты, внесенные в Думу в 2020 году, более направлены на защиту именно образа Великой Отечественной войны. Первый из них предлагает признать недействительным принятое в 1989 году постановление Съезда народных депутатов СССР «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» так как оно, по мнению автора законопроекта, не соответствует принципам «исторической справедливости», «искажает суть исторических событий» и «не отвечает государственным интересам России» [2]. Пока остается непонятным, будет ли предложена какая-либо другая трактовка известного пакта Моло-

того—Риббентропа, или любые его обсуждения будут подпадать под действие этого закона в случае его принятия. Второй проект напрямую касается актуальных сейчас «мемориальных войн», которые идут не только на постсоветском пространстве, но и касаются различных интерпретаций Второй мировой войны в России и на Западе. В отличие от принятого закона Яровой, эта статья более четко прописывает, какие утверждения считать фальсификацией исторических фактов о причинах и итогах Второй мировой войны. Проект предусматривает уголовное наказание за «возложение на СССР ответственности за развязывание Второй мировой войны либо отрицание основной роли СССР в победе над странами оси во Второй мировой войне, а равно распространение сведений о тождественности официальной политической идеологии СССР и нацизма» [2]. Если бы этот закон был принят ранее, дело Владимира Лузгина могло бы закончиться уголовным сроком.

Что защищают мемориальные законы? Отметим, что сама идея возможности юридического регулирования исторической памяти и представлений об истории, довольно спорна. Право в этом случае оказывается на службе у государственной политики памяти, направления которой, как особенно ярко показывает случай Украины, постоянно меняются. Следствием этого может стать нарушение нормативности правовой сферы вообще. Однако распространение практики принятия мемориальных законов может быть индикатором трансформации места истории. Прошлое больше не о том, «что было» (хотя так никогда и не было), а становится ресурсом. Если есть индустрия памяти (в туризме, рекламе и т.д.), то почему бы не использовать прошлое для легитимации того или иного политического режима. Но в этом случае речь идет не о науке о прошлом, а об определенном наборе образов, которые носят инструментальный характер. Законы в этом случае нормируют то или иное использование этих образов-инструментов.

Содержание мемориальных законов и опыт их применения говорит о том, что они носят больше политический характер. Если в Европе подобное законодательство направлено на защиту европейских ценностей (учитывая значение признания Холокоста для новой европейской культуры), то для Украины такой темой является Голодомор. Показателем того, что мемориальное законодательство носит, прежде всего, политический, а не правовой характер, является и то, что очередные попытки криминализации Голодомора на Украине были направлены против В. Януковича, который неоднократно высказывался против трактовки Голодомора как геноцида.

В России речь идет не столько о защите определенной версии Второй мировой войны, а о государственном самосознании, в основе которого лежит эта версия как единственный исторический факт, разделяемый абсолютным большинством россиян. Причины обращения отечественного мемориального законодательства именно к Великой Отечественной (Второй мировой) войне не только в использовании модели мемориального законодательства, получившей распространение в европейских странах, но и в том месте, которое занимает Великая Отечественная война на террито-

рии большинства республик постсоветского пространства. Поэтому считаем, что больше, чем европейский опыт для содержания мемориальных законов, имеет значение инерция коммеморативных практик, связанная с усилиями советской пропаганды, которая опиралась на Победу 1945 г., доказывая правильность социалистического строительства. Сразу обратим внимание на принципиальное отличие мемориальных законов и вообще направлений политики памяти в Европе и на постсоветском пространстве. Если европейские мемориальные законы (направленные, как указано выше, в основном на защиту памяти о Холокосте – в некоторых случаях речь идет так же об осуждении геноцида армян) защищают позицию жертв, то в России законы принимаются с позиции победителя. В европейской политике, как заметил Николай Копосов [6], «проявилась гуманизация западной культуры в эпоху расцвета демократии. Главным элементом памяти о войне стали не преступления одного государства против другого, а преступления государства против народа – или, точнее, против человечности». Причем, как подчеркивают европейские практики политики памяти, ответственность за Холокост лежит не только на нацизме, но и на тех государствах, которые не смогли предотвратить его, а также на населении, поддерживающим или даже просто не мешающим реализации Холокоста. Постсоветское пространство представляет собой поле не исторической ответственности, а «войн памяти» с соседями. Нельзя сказать, что постсоветские страны в этом случае являются исключением, в частности в Турции запрещено упоминать о геноциде армян в 1915 году, а в Польше можно получить указание за обвинение поляков в Холокосте.

В качестве вопросов, требующих дальнейшего обсуждения, следует упомянуть проблему роли мемориального законодательства в формировании коллективной памяти страны. Может ли закон действительно способствовать формированию убеждения населения? Пока мы предполагаем, что нет, но мемориальные законы говорят о трендах, которых придерживается государственная власть, а она выступает в качестве одного из влиятельных акторов политики памяти, обладает соответствующими ресурсами для того, чтобы сформировать нужные образы и «изобрести традиции» не только при помощи законодательства.

Список литературы

1. **Артог Ф.** Порядок времени, режимы историчности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 3(59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (дата обращения 14.08.2020).
2. **Дюков А.** В Госдуму внесено два новых «мемориальных» закона – и еще один ждет своей очереди [Электронный ресурс] // Remembrance, Research and Justice: Heritage of WWII in the 21st century. URL: <https://remembrance.ru/2020/05/28/duma/> (дата обращения 14.08.2020).
3. **Верховная Рада** признала Голодомор геноцидом [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2006/11/28/genocide/> (дата обращения: 13.01.2021).
4. **Грузия** признала Голодомор в Украине актом геноцида [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/141078-gruziya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (дата обращения: 13.01.2021).

5. **Испания** признала голодомор в Украине актом геноцида [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197026-ispaniya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (дата обращения: 13.01.2021).

6. **Копосов Н.** Память в законе [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. URL: http://www.chaskor.ru/article/pamyat_v_zakone_36445 (дата обращения: 13.01.2021).

7. **Литва** признала Голодомор в Украине геноцидом [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/137186-litva-priznala-golodomor-v-ukraine-genocidom> (дата обращения: 13.01.2021).

8. **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 5 мая 2014 г. N 128-ФЗ [Электронный ресурс] // Российская газета. 7 мая 2014 г. URL: <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (дата обращения 14.08.2020).

9. **Орлова И. Б.** Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования 2017. № 9 (400). С. 66 – 77.

10. **Парламент** Перу признал голодомор геноцидом украинцев [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. URL: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197520-parlament-peru-priznal-golodomor-genocidom-ukraincev> (дата обращения: 13.01.2021).

11. **Про засудження** комуністичного та націонал-соціалістичного (нацистського) тоталітарних режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки: Закон України, № 317-19, від 09.04.2015, [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text> (дата обращения: 23.01.2021).

12. **Про правовий** статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті: Закон України, № 314-19, від 09.04.2015 [Электронный ресурс]: URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (дата обращения: 20.01.2021).

13. **Про увічнення** перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939–1945 років: Закон України. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text> (дата обращения: 13.01.2021).

14. **Про увічнення** Перемоги у Великій Вітчизняній війні 1941–1945 років: Закон України, № 1684-14, від 09.04.2000 [Электронный ресурс]: URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (дата обращения: 13.01.2021).

15. **Рункевич Д.** Кремль не поддержал законопроект о запрете реабилитации фашизма [Электронный ресурс] // Известия. URL: <http://izvestia.ru/news/565382> (дата обращения: 14.08.2016).

References

1. **Artog F.** [The order of time, modes of historicity], *Neprikosnovennyu zapas* [Emergency reserve], 2008, no. 3(59), available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (accessed 14 August 2020). (In Rus.)

2. **Dyukov A.** [Two new “memorial” laws have been introduced to the State Duma and one more is waiting for its turn], *Remembrance, Research and Justice: Heritage of WWII in the 21st century*, available at: <https://remembrance.ru/2020/05/28/duma/> (accessed 14 August 2020).

3. **Lenta.ru**, available at: <https://lenta.ru/news/2006/11/28/genocide/> (accessed 13 January 2021).

4. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/141078-gruziya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (accessed 13 January 2021).

5. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197026-ispaniya-priznala-golodomor-v-ukraine-aktom-genocida> (accessed 13 January 2021).

6. **Koposov N.** *Chastnyy correspondent* [Private correspondent], available at: http://www.chaskor.ru/article/pamyat_v_zakone_36445 (accessed 13 January 2021).

7. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/137186-litva-priznala-golodomor-v-ukraine-genocidom> (accessed 13 January 2021).

8. **Available at:** <https://rg.ru/2014/05/07/reabilitacia-dok.html> (accessed 14 August 2020).

9. **Orlova I.B.** [Historical knowledge as a subject of sociological analysis (phenomenological aspect)], *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2017, no. 9(400), pp. 66-77. (In Rus.)

10. **Korrespondent.net**, available at: <https://korrespondent.net/ukraine/events/197520-parlament-peru-priznal-golodomor-genocidom-ukraincev> (accessed 13 January 2021).

11. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/317-19#Text> (accessed 23 January 2021).

12. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (accessed 20 January 2021).

13. **Available at:** <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text> (accessed 13 January 2021).

14. **Available at:** <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/1684-14> (accessed 13 January 2021).

15. **Runkevich D.**, available at: <http://izvestia.ru/news/565382> (accessed 14 August 2016).

Wars of Memory: Memorial Legislation in the Post-Soviet Space

O. V. Golovashina, *Cand.Sci.(History)*, Associate Professor,
Department of Philosophy and Methodology of Science,
Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia;
ovgolovashina@mail.ru

The origins and the phenomenon of memorial legislation are considered. Special attention is paid to the memorial laws adopted in Russia and Ukraine, as well as the experience of their application. Based on the ideas of F. Artog, the author connects memorial legislation with the new "regime of historicity", proving that it is a certain type of commemorative practice. The sources for the work were the texts of the adopted legislative acts, the introduced bills and comments, articles in the media, enabling to judge the reaction of the public. On the basis of the studied material, the author draws the following conclusions: memorial legislation is of a political nature, memorial laws are an instrument for solving political problems; the development of memorial legislation makes law dependent on state historical policy, which can lead to a violation of the normative nature of the law; memorial legislation makes it possible to judge the development of historical consciousness and the directions of its change.

Keywords: "wars of memory"; historical politics; commemorative practices; memorial legislation; politics of memory.

© O. V. Головашина, 2021

Статья поступила в редакцию 19.02.2021

При цитировании использовать:

Головашина О. В. Поле битвы – память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // *Право: история и современность*. 2021. № 2(15). С. 19 – 28. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.019-028